

РАЗРАБОТКА АЛЬТЕРНАТИВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В РАБОТАХ УЧЕНЫХ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

У российской экономической науки сложная судьба. Возникла она достаточно поздно, на рубеже XVIII–XIX вв., чему были свои, прежде всего экономические, причины. В стране исторически было мало университетских центров, высшие учебные заведения были небольшие по числу преподавателей и студентов. Большинство ученых-экономистов не принимало государственного вмешательства в систему высшего образования и вообще относилось оппозиционно к проводимой государственной политике. Несмотря на эти сложности, российская экономическая наука развивалась поступательно: формировались отдельные научные школы, укреплялись замечательные традиции научного сообщества¹. В целом российская наука шла в ногу с передовыми течениями и многие русские ученые (А.И. Чупров, М.И. Туган-Барановский, М.М. Ковалевский, С.Н. Булгаков, В.К. Дмитриев и др.) пользовались авторитетом среди своих зарубежных коллег.

Поступательное развитие российской экономической науки было прервано политическими событиями 1917 г. В последующие пять лет большинство ученых-экономистов, более того — целые учебные заведения оказались в вынужденной эмиграции. В Советской России насильственно была разрушена научная среда, кропотливо создававшаяся на протяжении многих десятилетий. При этом из Советской России уезжали не только ученые, но и дипломированные специалисты, издатели, успешные коммерсанты, представители творческой интеллигенции, просто культурные, образованные и предприимчивые люди.

Многочисленность российских эмигрантов, их принадлежность к разным социальным слоям, твердость в неприятии

советских порядков, убежденность в непременном возвращении на родину, породили явление — страну без территории, названную Русским Зарубежьем.

Вынужденная эмиграция российских ученых, как им казалось, временный характер нахождения за рубежом, сопереживание судьбе Родины порождали многочисленные и жаркие дискуссии о дальнейшем направлении развития России. И если в первые годы вынужденной эмиграции в основном давались оценки коммунистическим преобразованиям в Советской России, то с конца 1920-х—начала 1930-х гг., на новом этапе, активно велись поиски возможных путей экономического преобразования России.

К пониманию будущего России, ее экономической системы, ученые Русского Зарубежья подходили по-разному. Одни искренне верили в то, что советская власть довольно быстро рухнет под грузом собственных проблем и были заряжены оптимизмом грядущих скорых перемен. Другие переосмысливали прошлый опыт и к пониманию будущего подходили осторожно, полагая, что все будет не так просто и так скоро.

Ученые Русского Зарубежья взвешено подходили к вопросу о характере изменений общественного устройства. Они оппонировали советскому режиму в его маниакальном стремлении построить совершенный строй. М.В. Абросимов отстаивал идею, согласно которой «идеального же совершенного общественного строя не может быть вследствие радикальных социальных изменений-переворотов»². По мнению М.В. Абросимова «хорошее и плохое в общественном строе и жизни соединяется органически»³.

А.Д. Билимович никогда не сомневался в неизбежности крушения большевизма в России и свойственной ему централизованной системе хозяйствования. Он был в числе немногих экономистов, кто сумел вырваться за пределы своего времени и высказать целый ряд соображений о будущем российской экономики, не только не утративших своей актуальности, но и в значительной мере, превзошедших многие современные представления⁴.

Прежде всего, новая система хозяйствования в будущей освобожденной России, по мнению А.Д. Билимовича, однозначно должна базироваться на посылке, согласно которой народ следует уберечь от жертв и обеспечить ему нормальную жизнь «без надрывов»⁵. А.Д. Билимович понимал неизбежность определенных трудностей, с которыми столкнется освободившаяся от власти большевиков Россия, но при наличии четкой, взвешенной, опирающейся на чаяния народа сбалансированной программы обустройства России, к разработке которой ученый неустанно призывал, начиная еще с 1920-х гг., эти трудности могли бы быть минимизированы и достаточно быстро преодолены без падения жизненного уровня людей.

А.Д. Билимович ставит вопрос о возможной экспансии новых русских. По его убеждению, «...вообще невозможно будет передавать огулом народное достояние, каким являются сколько-нибудь значительные государственные промышленные и горные предприятия, в частные руки... кому их можно передать? Очевидно лишь тому, кто имел бы средства, чтобы их купить или взять в аренду. Но кто из частных лиц в России будет иметь эти средства, кроме, может быть нажившихся и уцелевших советских главарей или их приятелей?»⁶.

А.Д. Билимович помнит о значении сохранения экономической самостоятельности страны, развитии собственного интеллектуального и профессионального потенциала, а потому особо подчеркивает, что для будущего народного хозяйства важно, чтобы иностранный капитал приходил в Россию в роли кредитора, а не учредителя-предпринимателя, концессионера или скупщика народных (природных) богатств страны.

Профессор П.И. Георгиевский в своей научной работе «Общественность в народном хозяйстве», опубликованной в «Русском экономическом сборнике» (Прага, 1925), в русле идей институциональной школы, предложил оригинальную теорию «общественности», рассматривая таковую в качестве производственного фактора. Он полагал, что не уничтожение крайностей — социализма и индивидуализма, а их сотрудничество, развивающееся под влиянием общественного фактора, должно обеспечить нормальное государственное развитие.

Сергей Семенович Маслов в своих работах отстаивал идеи организации общественного устройства России на принципах кооперативного строя.

Н.Н. Алексеев выступает с экономической программой евразийства. По его мнению, ошибка социалистов состоит в том, что все их проекты стремятся реформировать частную собственность путем изменения ее субъектов. Он замечает: «В социализме есть нечто примитивное, некоторая простота сознания, некоторая элементарность. Наиболее грубые формы социализма сводятся просто к теории и практике передела. Наличные субъекты собственности должны быть экспропрированы, — и собственность должна перейти к другим субъектам. При этом в результате передела сохраняется старый порядок частной собственности — только с новыми субъектами»⁷.

В изданиях Русского Зарубежья мы встречаем статьи, в которых анализируется опыт фашистской Италии — отраслевых синдикатов, «магистратур труда» и пр.⁸ Интерес к опыту фашистской Италии в Русском Зарубежье находит объяснение в том, что Муссолини, по мнению очень многих, остановил в своей стране продвижение коммунизма. Именно поэтому Г.К. Гинс, полагал, что итальянский фашизм в своей ранней стадии сыграл положительную роль — Муссолини и организованная им партия фашистов спасла страну от опасности кровавых насилий⁹.

Анализируя хозяйственную систему итальянского фашизма, Г.К. Гинс употребляет термин «скованный капитализм». Г.К. Гинс полагал, что государственный строй Италии времен Муссолини далек от совершенства и «интересен... лишь как опыт организации политической жизни страны на основе солидаризации общественных классов»¹⁰.

Поиск альтернатив либерализму и коммунизму заставил русскую эмиграцию обратить внимание на общественные системы, которые с середины XIX в. французскими и немецкими учеными назывались христианским социализмом или солидаризмом. В русской эмиграции 1930-х гг. экономическими исследованиями в рамках доктрины солидаризма занимались Г.К. Гинс, И.В. Воцинин, А.Д. Билимович, В.Ф. Тотомиянц.

В 1969 г. И.В. Вошинин публикует очерк «Солидаризм и экономика», по нашему мнению лучший в области истории экономической мысли за весь период Русского Зарубежья. И.В. Вошинин рассматривает возникновение политической экономии, близкое к нашему современному пониманию. Значительная часть очерка посвящена подробному изложению рождения и развития экономического солидаризма, работам Ш. Жида, Г. Пеша¹¹, современным зарубежным ученым¹², а также российским последователям этого направления в науке — Г.К. Гинсу, В.Ф. Тотомианцу и др.

Существенный вклад в разработку проектов будущей реформы российской экономики внесли представители послевоенной эмиграции. М.Н. Залевский (М.Самойлов) в статье «Эволюция производственных отношений»¹³ замечает, что «советский человек знает недостатки капиталистического строя, еще лучше он знает суть «строительства коммунизма». М.Н. Залевский в новой системе производственных отношений, которая должна быть установлена в России после коммунистов, придает особое значение участию трудящихся в прибылях. По его мнению, это вопрос не новый и проистекает он из давнишней практики участия в доли продукта. М.Н. Залевский приводит примеры из русской экономической истории: «Из истории развития русского севера известно, что артели крестьян-охотников отправлялись на моржовый промысел на Новую Землю. Добыча делилась на три части, из которых две части отчислялись предпринимателям (за суда, снасти, частично продовольствие) и одна часть промышленникам-артельщикам. ... Широко практиковалась в сельском хозяйстве система обработки хозяйских земель “исполу”, т.е. в равной доле»¹⁴.

Однако замечает М.Н. Залевский, это лишь количественная сторона вопроса. Куда более важна качественная, в которой он выделяет несколько аспектов: экономический, морально-этический, организационно-технический и социально-политический. М.Н. Залевский во главу угла при рассмотрении экономических вопросов ставил проблему повышения производительности труда. Не просто производить, а делать это лучше, эффективнее, чем в странах Запада.

По мнению М.Н. Залевского участие трудящихся в прибылях устраняет забастовки и, стало быть, потери в народном хозяйстве, которые достигают иногда чудовищные размеры. Система участия в прибылях способствует также накоплению первичного капитала, что будет весьма важно в момент перехода российского хозяйства с советской системы на рельсы свободного хозяйства¹⁵. Также важна моральная сторона настоящей проблемы. Участвуя в прибылях, рабочие и служащие определенно чувствуют на себе ответственность за деятельность всего предприятия.

Организационно-техническая сторона данной проблемы, полагает М.Н. Залевский, хотя и менее существенна, но ею не следует пренебрегать. Многие фирмы, введшие у себя систему участия трудящихся в прибылях, утверждают, что сам факт участия в прибылях повышает интеллект рабочих, облегчает набор и выучку кадров, способствует профессиональному и экономическому образованию¹⁶.

С социально-политической точки зрения «поднятие материального благосостояния, обеспечение старости создают в психологии трудящихся уверенность в себе, что поднимает их социальную значимость, а моральное удовлетворение, вследствие участия в прибылях, снимает классовую ненависть. Введение системы участия в прибылях в свою очередь снимает в психологии хозяина классовую отчужденность и ведет к более тесному соприкосновению со своими рабочими и служащими... Система приводит не только к стиранию противоречий, но и к установлению общности интересов»¹⁷.

М.Н. Залевский отмечал, что к началу 1960-х гг. в СССР частная инициатива проявляет себя все больше и больше. Но беда в том, что она несет в советских условиях нездоровое начало: будучи стесненной коммунистической системой, являясь в основном подпольной или полуподпольной, частная инициатива вырождается в спекуляцию¹⁸. По его мнению, в Советском Союзе наблюдается парадоксальная вещь — власти борясь с частным капиталом, породили его худший вид — спекулятивный капитал. Какую роль может сыграть этот капитал в процессе перехода России к нормальной рыночной экономике?

Вопросы практических мероприятий становления новой экономики страны поднимаются также в работах В. Кунгурцева. В статье «О собственности на орудия и средства производства» он говорит о разгосударствлении собственности и становлении смешанной экономики: «по мере накопления капиталов общественными организациями и частными лицами, государство будет постепенно передавать им часть своей собственности (на основе аренды или приобретения), но с таким расчетом, чтобы сырьевые и ведущие отрасли промышленности в большей своей части оставались бы все же в руках государства. Это необходимо для того, чтобы государство могло бы осуществлять свою направляющую роль методами экономического воздействия, выступая в области производства и сбыта, как организация мощная, но равноправная с другими.

Такая система, широко используя частную и общественную инициативу, и создавая вполне здоровую конкуренцию, в то же время позволяет пресекать всякие нездоровые тенденции, могущие возникнуть у частных лиц на основе владения орудиями и средствами производства и известной концентрации собственности в их руках»¹⁹.

Таким образом, В. Кунгурцев, предполагая процесс разгосударствления российской экономики, предостерегал от поспешности проведения подобной политики.

В вопросе реформирования российской экономики ученые Русского Зарубежья не предлагали слепого копирования западного опыта. Довольно часто обращаясь к сравнению статистических показателей СССР и США, они замечали, что «ни в коем случае не имели намерения хвалить все американское. Американский народ живет в особых условиях и идет своим путем. США — не образец подражания для нас. Но, опыт США интересен в другом — на нем мы видим, как в условиях свободы творческая энергия народа имеет почти неограниченные возможности своего применения. В частности, это приводит к процветанию экономики и благосостоянию населения. И то, что в нашей стране царит нужда и большинство людей не имеют самого необходимого, говорит лишь о том, что существующий тоталитарный строй не позволяет развернуться

народному творчеству. Не будет преувеличением сказать, что коммунистический строй не только не содействует развитию производительных сил страны, а тормозит их развитие. Не исключено, что когда-то Россия быстро догонит США, но это будет только тогда, когда коммунистическую власть сменит другая — народная демократическая власть»²⁰.

Практически все работы экономистов Русского Зарубежья послевоенного времени так или иначе касаются аграрных проблем, что продолжало научную линию как российских экономистов XIX—начала XX вв., так и первой волны эмиграции. Российские ученые-экономисты всегда рассматривали сельское хозяйство как один из основных столпов российской экономики. То, что сельское хозяйство в Советской России нуждается в реформе было понятно всем ученым-экономистам и это не вызывало никаких споров. Критика советского сельского хозяйства со стороны российских ученых-экономистов была предельно жесткой.

Вопросы предстоящей в свободной России аграрной реформы поднимали практически все экономисты второй волны эмиграции, которые фактически образовали «новую волну» русских научных исследований в аграрной области: А.Д. Билимович, М.Н. Залевский, С.Е. Кирсанов, И.А. Курганов, В.С. Мерцалов, А. Светов, И.Ф. Скворцов и др.

Значительный вклад в разработку программы реформирования российского сельского хозяйства внес В.С. Мерцалов. В своей работе «Последствия коллективизации сельского хозяйства в СССР» (Мюнхен, 1954) он на основании статистического материала анализирует колхозную политику руководителей страны на протяжении последних 20 лет. Относясь критически к происходящему в СССР, он говорит о банкротстве колхозной системы.

В.С. Мерцалов в работе «Политика крутого подъема и сельское хозяйство СССР» (Мюнхен, 1955) приводит большой фактический материал по статистике урожайности, свидетельствующей об отставании сельского хозяйства СССР от стран Запада. В.С. Мерцалов определяет следующие проблемы советского аграрного сектора: отсутствие стимулов у крестьянс-

тва (их сопротивление колхозным порядкам), недостаток рабочей силы из-за ее варварской расточительности при советских методах хозяйствования и низкой производительности труда, низкая эффективность техники из-за бесхозяйственного отношения к ней, бюрократизм и усталость народа.

В.С. Мерцалов критикует политику освоения восточных районов страны, считая, что это происходит в ущерб развитию традиционных сельскохозяйственных районов. Заметим, что эта проблема, так или иначе, присутствует во многих работах ученых второй волны эмиграции. Тем самым, они предвосхищали многие проблемы, вызванные нерациональностью размещения производительных сил, которые проявились в условиях распада советской экономики.

А. Светов, рассматривая статистические данные, определяет, что «со времени коллективизации прошло более 20 лет, а товарность сельского производства остается приблизительно на прежнем уровне»²¹. А. Светов разбирает работу И.В. Сталина «Экономические проблемы построения социализма в СССР»: согласно И.В. Сталину «этот сектор народного хозяйства еще не полностью социализирован... т.е. не весь хлеб и не все продукты сельского хозяйства находятся в распоряжении государства. Впереди — полная социализация, ликвидация приусадебных участков, отказ от денежного расчета по трудодням и введение в стране продуктообмена, т.е. натуральное отоваривание колхозников. Что это? — спрашивает А. Светов, — логика коммунизма или склероз старческой мысли? Беремся утверждать, что это — логика коммунизма. ...Мы убеждены, что эта новая, еще более страшная коллективизация-социализация никогда не будет осуществлена. На это у стареющего коммунизма не хватит сил, ни времени»²².

Одним из центров аграрной мысли послевоенной эмиграции становится журнал «Наши дни». Особенный интерес у его авторов вызывала столыпинская реформа (в числе авторов журнала был и сын реформатора — А.П. Столыпин): «Мы видели, что столыпинская реформа была направлена к тому, чтобы развязать творческую инициативу отдельного крестьянина; мы видели, что хуторская и отрубная системы землепользова-

ния действительно способствовали проявлению этой инициативы; мы видели, наконец, что российское сельское хозяйство стало быстро развиваться. Но вот, произошел большевистский переворот и это развитие прекратилось. Оно и понятно, так как колхозная система еще в большей степени, чем прежняя общинная, связывает инициативу отдельного крестьянина. Не помогли колхозам ни внедрение передовой агротехники, ни механизация сельскохозяйственных работ. Наше сельское хозяйство пришло в состояние перманентного кризиса из-за того, что была погашена искра индивидуального творчества»²³. И если в 1930-е гг. в экономической литературе Русского Зарубежья мы еще находим различные взгляды на реформу П.А. Столыпина, то в 1950-е гг. постепенно оценки выравниваются в сторону признания заслуг великого реформатора.

Один из авторов «Наших дней» И.Ф. Скворцов (1889–?) в 1950-е гг. был уже немолодым человеком. Это не помешало ему вести активную творческую деятельность на научном поприще. В работе «К земельной реформе новой России» (Издание автора, 1956 г.) он сообщает о себе, что по профессии он агроном; свою работу начал еще в царской России, 23 года трудился при советской власти и 3 года при немецкой оккупации²⁴. Он сообщает, что «не был коммунистом и не стремился вступить в партию, не симпатизировал советской власти, но не смотря на это при всех своих положениях в работе, работал не за страх, а за совесть. Не был вредителем и этой тенденции не имел. Работая на совесть и считаясь с неизбежным фактом непреодолимой действительности жестокой власти, руководил хозяйством умело и имел лучшие результаты по сравнению с другими, но как было тяжело все это проводить и видеть вредительство не специалистов, а самих властителей. Совхозная деятельность технически мало чем отличалась от деятельности прежних частных имений, — лишь хозяева переменились, да ухудшилось положение сельскохозяйственного рабочего и всех служащих»²⁵.

По мнению И.Ф. Скворцова «сельскохозяйственное производство — сложное производство, в нем много личного труда человека и часто труда тяжелого, напряженного, подчас непри-

ятного, и при этих условиях индивидуальная заинтересованность имеет чрезвычайное значение. По всему этому осмысленный крестьянский труд гораздо производительнее труда коллективного»²⁶.

И.Ф. Скворцов разбирая статистические данные (на примере центрально-европейских областей) приходит к выводу о неиспользуемых резервах роста сельскохозяйственного производства. Главное, чтобы в основе сельскохозяйственной политики были агрономические, а не политические соображения²⁷. «Крестьянское хозяйство будет иметь самодовлеющую роль и его землепользование должно иметь многообразные формы: единоличные хозяйства в составе сельского общества, но с обязательной собственностью каждого двора; отруба и хутора, но организованные так, чтобы они позволяли применение прогрессивных методов ведения хозяйства и совершенно свободной взаимопомощи; кооперативные объединения, но основанные на совершенной добровольности их организации. Нужны нам и ограниченное число государственных хозяйств, необходимых для способствования прогрессу крестьянского хозяйства»²⁸.

На основании выводов из прошлого И.Ф. Скворцов делает прогнозы для построения будущего сельского хозяйства. По его мнению «прежнее, дореволюционное, крестьянство корень зла своего недостаточного благополучия видело в недостатке у него земли, но в этом была права только часть крестьянства, у которой земли было действительно недостаточно, большинство же крестьян имело вполне достаточное количество земли, но в условиях того времени не могло создать интенсивного и рационального крестьянского хозяйства»²⁹. «С 1918 по 1921 год новое крестьянство, находясь под грубым прессом продовольственных заготовок не развивалось. С 1922 года с введением нэпа и некоторым раскрепощением и перестройкой в положительном смысле, крестьянское хозяйство быстро двинулось вперед. ...Крестьянское хозяйство стало бы прогрессировать и далее, но большевики пресекли этот процесс, начав коллективизацию — сначала «добровольно с нажимом», а затем и принудительно — «сплошная

коллективизация». Исчезло крестьянское хозяйство. Крестьянина не стало, появился колхозник-батрак»³⁰. И.Ф. Скворцов ратует за возрождение частной инициативы, которая, по его мнению, всегда значительно продуктивнее, чем труд наемного рабочего.

В своей сельскохозяйственной программе И.Ф. Скворцов высказывается за развитие многоукладного сельского хозяйства, где место находится даже государственным хозяйствам. Но, что интересно, в период укрупнения сельских поселений, И.Ф. Скворцов, наоборот, ратует за «расселение больших деревень путем создания поселков (сельских обществ) величиной от 8 до 24 дворов»³¹, как наиболее рациональных в российских географических условиях.

Один из виднейших экономистов второй волны эмиграции Иван Алексеевич Курганов (1895–1980), профессор экономики, имевший известность в 1930-е гг. в Советской России, оказался в эмиграции в 1943 г. В послевоенное время проживал в Западной Германии. Значительную часть своих работ И.А. Курганов посвятил проблемам советского сельского хозяйства и его последующего реформирования.

Работа «Сельское хозяйство на новом этапе» примечательна во многих аспектах. Оставляя на время научную сторону, обратим внимание, что выпущена она была в виде отдельной брошюры специально для советского читателя. Чтобы обеспечить ее доставку в СССР брошюра была издана в таком виде, чтобы имитировать советское издание. Именно отсюда ее чисто советское название и на обложке значится, что брошюра выпущена «Госполитиздатом». Также важно отметить, что написана работа была на основании 145 (!) литературных источников, значительную часть которых составляла советская периодическая печать.

Работа И.А. Курганова начинается с разбора теоретических аспектов развития крестьянства, выдвигаемых деятелями коммунистического движения. Автор также анализирует существующие особенности советской деревни, в частности развитие личного хозяйства колхозников в виде приусадебных участков, которые он оценивает как «последний плацдарм, на котором

колхозники отстаивают свое бытие в качестве крестьян. Этот последний бастион крестьянства партия штурмует уже 25 лет, справедливо полагая, что не уничтожив личного хозяйства, не оборвав последних корней экономической независимости колхозников нельзя считать коммунистическую революцию завершенной и нельзя преобразовать колхозное крестьянство в простую рабочую силу»³².

В 1950-е гг. И.А. Курганов оценивал состояние советского сельского хозяйства как «последний этап в процессе ликвидации крестьянства как класса»³³. Такое положение профессор Курганов связывал с политикой укрупнения колхозов. «Недостаточно, однако, пролетаризировать колхозников, лишить их независимой материальной базы путем постепенного разорения и экономического аннулирования личного хозяйства, надо еще заставить их работать в общественном хозяйстве, приучить их к фабричной дисциплине и перевоспитать их в пролетарском духе. Но для этого необходимо создать такой производственно-экономический строй в деревне, который превратил бы сельскохозяйственный труд в разновидность труда индустриального, а крестьянскую психологию колхозника в психологию рабочего»³⁴.

Целью укрупнения колхозов профессор Курганов видел создание необходимых условий для организации партийного и руководящего аппарата в деревне. Вместе с тем, по его мнению, «другой не менее важной целью укрупнения колхозов является создание наиболее благоприятных условий для «перевоспитания» колхозников с крестьянской психологией. В мелких колхозах люди жили еще в старых, привычных условиях крестьянского труда, земля у них была «своя», все было близкое и родное. Сохранялась еще старая крестьянская атмосфера, имела еще большое значение старая деревня, ее традиции, ее соседские связи, ее родственные отношения, ее крестьянский быт. Колхозник крупного колхоза уже не чувствует колхоза, как своего деревенского объединения; он не живет в своем сельском обществе, он не участвует в повседневном решении производственно-бытовых вопросов колхоза в целом; он отдален, отделен и отгорожен от колхоза адми-

нистративным аппаратом, как перегородкой; он уже не знает колхоза в целом, а знает только свою бригаду или свою ферму и своего бригадира, как и рабочий не знает всех заводских дел в целом... Колхозник перестает быть крестьянином, а становится рабочим»³⁵.

Профессор Курганов отмечает: «Крестьянство меняется. Меняется и деревня. Старая хозяйственная система, сочетавшая в себе общинное землевладение с личным хозяйством независимого крестьянского двора, в котором творчески трудилась самостоятельная крестьянская семья, — давно ушла в прошлое, и тех крестьян, которые духовно сложились в условиях этой системы до революции, в современной деревне уже нет. На смену старой хозяйственной системе пришла новая колхозная система, «сочетающая» монополизировавшее землю общественное хозяйство с почти безземельным личным хозяйством колхозника, сохраняющим лишь видимость крестьянского двора. Это — новая переходная система, в которой элементы крестьянского характера (личное хозяйство) неуклонно ослабевают и теряют свое значение, а элементы пролетарского характера (труд на стороне) неуклонно усиливаются и приобретают решающее значение. В условиях этой новой системы и живет современная деревня»³⁶.

И.А. Курганов подробно и довольно беспристрастно разбирает особенности современной деревни. Он выделяет следующие ее характеристики:

1. Значительное сокращение населения деревни. По его меткому замечанию «деревня уходит в город»³⁷.

2. Появление в составе сельского населения значительного количества служащих и лиц интеллигентных профессий, т.е. сельской интеллигенции в широком смысле слова. Неоднородность с точки зрения профессионального состава — таким образом, не только деревня уходит в город, но и наоборот — город идет в деревню.

3. Возникновение диспропорций в половом и возрастном составе сельского населения. Из советской деревни в продолжении последних 25 лет совершается массовый отлив в город молодежи и, прежде всего, мужской молодежи. В деревне ос-

таются женщины, старики и дети. Нарушение обычной структуры населения является одной из самых трагических особенностей колхозной деревни³⁸.

И.А. Курганов полагает, что на смену старых противоречий между колхозным и единоличным хозяйством в современной деревне приходят новые противоречия. Единоличников в деревне осталось ничтожное количество и, хотя держатся они героически, но экономического значения они не имеют. Поэтому речь идет о новых уже внутриколхозных противоречиях, связанных с особенностями новой колхозной деревни.

Первым таким противоречием он указывает «внутреннее противоречие самого колхозного крестьянства», связанное с новым положением колхозника как наемного работника. Ранее, — пишет проф. Курганов, — «ни татарщина, ни крепостничество не лишали крестьянина этого его земледельческого быта, его самостоятельного хозяйства, его независимого по своему разумению организуемого земледельческого труда, в котором проявлялась его творческая личность... Между тем, крестьянин, рабочий и колхозник имеют существенные различия»³⁹.

В качестве других противоречий И.А. Курганов выделяет противоречие между администрацией колхоза и рядовыми колхозниками, а также между колхозниками, получающими оплату по трудодням и работниками колхоза, получающими зарплату.

И.А. Курганов опирается в своей работе на значительный статистический материал, включающий показатели поотраслевой специализации труда, процесс механизации сельскохозяйственного производства, показатели обработки пахоты и др. Вывод, который он делает в итоге, состоит в том, что происходящая в СССР перестройка сельского хозяйства представляет собой последний этап в ликвидации крестьянства как класса. Стремление партии произвести эту ликвидацию крестьянства прямым путем, то есть путем преобразования колхозов в совхозы, оказалось пока не осуществимым. Партия, несомненно, встретила со стороны колхозного населения серьезный отпор⁴⁰. В подтверждение этого И.А. Курганов ссылается на

статью академика АН СССР Островитянова, который, хотя и с советских позиций, но пишет о нецелесообразности подобной политики преобразования колхозов в совхозы.

Где же выход из создавшегося на селе положения? — задавался вопросом Е.И. Гаранин, который также в своих статьях обращался к аграрной тематике: «Итак, ни целина, ни замена травополья иной системой земледелия, ни химизация и орошение не способны, при существующей политике в отношении крестьянства, совершить чудо и обеспечить быстрое развитие сельского хозяйства... Подводя итоги... мы видим, что тяжелое, кризисное положение в деревне создали следующие причины: советское коллективное хозяйствование и жестокая эксплуатация крестьян властью..., преимущественное развитие тяжелой индустрии в ущерб другим отраслям хозяйства и жизненным интересам населения..., бесправное положение колхозников и их полная зависимость при составлении планов, распределении доходов, определении сроков полевых работ от партийных и государственных органов... Есть ли все же выход из тупика?..

Самое главное в сельском хозяйстве сегодня, — замечает Е.И. Гаранин — это люди и их личная заинтересованность в развитии производства. Но, чтобы колхозники работали на общественных полях с таким же рвением, как на своих участках, они должны стать единственными хозяевами колхозов и выращенного урожая... Колхозники должны получить право свободного выхода из артели, с выплатой причитающегося им пая... Правительство должно отказаться от политики чрезмерной эксплуатации крестьянства и отменить все виды обязательных заготовок продуктов... Однако все эти необходимые меры только тогда дадут максимальный эффект, когда в центре государственной политики будут поставлены интересы человека, интересы крестьянина — производителя материальных благ»⁴¹.

По мнению С.Е. Кирсанова положение на селе должно быть ключевым в экономике будущей России⁴². Он определяет принципы, на которых должна строиться экономическая политика будущей России:

1. Достаточно высокое развитие сельского хозяйства, с целью максимального удовлетворения потребности в продуктах питания и сырья для некоторых видов промышленности.

2. Ведение сельского хозяйства на достаточно высоком агрономическом и техническом уровне, обеспечивающим уровень производительности труда в сельском хозяйстве, не отличающимся существенно от такового в промышленности.

3. Обеспечение производительности труда в народном хозяйстве в целом и общей эффективности последнего на уровне необходимом для поддержания или создания достаточно высокого благосостояния населения в целом, не отстающего от среднего уровня благосостояния в странах с высоким развитием экономики (США, Швейцария, Германия и т.д.).

С.Е. Кирсанов полагает, что «по почвенным и климатическим условиям, по площади пригодных для ведения сельского хозяйства земель Россия, конечно, имеет полную возможность как обеспечить свои внутренние потребности, так и произвести сельскохозяйственные продукты для экспорта. Исходя из этого, следует констатировать, что независимо от дальнейшего промышленного развития, его темпов и масштабов Россия должна остаться страной с мощным и высокоразвитым сельским хозяйством. Считая, что характеризовать ту или другую отрасль в ее значении для страны в целом следует, в первую очередь, по абсолютному значению этой отрасли, а не по ее относительному удельному весу по сравнению с другими отраслями, мы можем сказать, что будущая Россия должна быть и будет страной сельскохозяйственной, т.е. страной с мощным, высокоразвитым сельским хозяйством, обеспечивающим как внутреннее потребление, так и экспорт»⁴³.

С.Е. Кирсанов сокрушается имеющимся разрывом в производительности труда в промышленности и сельском хозяйстве. Исправить ситуацию в будущем может искусственное перераспределение национального дохода методами налоговой политики, политики цен и даже прямого перераспределения. Это положение прямо противоречило аграрной политике СССР, которая со временем привела еще к большему обострению проблемы.

При этом С.Е. Кирсанов предостерегал от излишнего увлечения политикой искусственного перераспределения национального дохода, поскольку это может способствовать появлению иждивенческих тенденций, что мы так отчетливо сегодня наблюдаем в нашей современной экономике. Это касается отдельных групп населения и даже целых регионов, живущих на государственные дотации.

Отсутствие средств, естественное старение эмиграции, оторванность от происходящего в России, отсутствие притока новых, молодых научных сил, а для какой-то части эмиграции — разочарование в происходящем в Советской России⁴⁴, привели к ликвидации научных центров Русского Зарубежья.

В 1960-е гг. мы еще наблюдаем в Русском Зарубежье отдельные научные акции, которые с течением времени становятся все более скромными. В 1966 г. проф. Иванцов еще читает в Обществе русских инженеров в Нью-Йорке свои доклады (в частности «Реформы Косыгина»). Публикует свои экономические статьи И. Поплюйко. В начале 1970-х гг. в журнале «Посев» выходят последние публикации И.В. Воцинина, удивительно интересные (зачастую они выходили за рамки экономической науки), но уже не имевшие за рубежом большого резонанса (увы!). К середине 1970-х русская экономическая мысль за рубежом практически сошла на нет.

Современный британский специалист в области истории русской экономической мысли В. Барнетт высоко оценивая значение экономической мысли Русского Зарубежья, все же замечает, что вынужденная эмиграция настраивала ученых сугубо враждебно по отношению к Советской России, не позволяя им разглядеть некоторые важные особенности ее политики. В результате зачастую «их послереволюционные исследования оказывались менее оригинальными, чем дореволюционные»⁴⁵.

Возвращение российских научных работ прошлого позволяет разрушить «железный занавес» в собственной экономической науке и обрести определенный стержень на будущее. Тем самым, предпринимается попытка «вытащить Россию из холода», т.е. реинтегрировать историю русских идей в евро-

пейский и — шире — в международный контекст экономической мысли, с тем, чтобы лучше оценить истинный вклад России и убедительно подтвердить ее важное место в мировой культуре⁴⁶.

Примечания

¹ Достаточно упомянуть возникновение Вольного (народного) университета Шаняевского.

² Абросимов М.В. Неравномерность распределения общественного дохода (факты и тенденции). Харбин, 1924. С. 35.

³ Там же.

⁴ Корицкий Э.Б., Карашев А.В., Нинчиева Г.В. Экономисты русского зарубежья 20–50-х годов: либеральное течение. СПб., 1999. С. 82.

⁵ Билимович А.Д. Экономический строй освобожденной России. Мюнхен, 1960. С. 30.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ Там же. С. 62.

⁸ В.Ф. Синдикаты в фашистской Италии // За Россию: Сборник НСРМ за рубежом. [Б.м.], 1930.

⁹ Гинс Г.К. На путях к государству будущего. От либерализма к солидаризму. Харбин, 1930. С. 65.

¹⁰ Там же. С. 101.

¹¹ Г. Пеш рассматривал три хозяйственные системы: капитализм, социализм, солидаризм и представлял доказательства того, что солидаризм наиболее отвечает основной «цели экономики». См. Воцинин И. Солидаризм. Рождение идеи. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1969. С. 44.

¹² Из которых особо следует упомянуть, к сожалению мало известного в современной России О. Нелль-Брейнинга, экономического советника Л.Эрхарта.

¹³ Мысль. 1954. № 5. С. 56.

¹⁴ Там же. С. 56.

¹⁵ Там же. С. 57.

¹⁶ Там же. С. 57, 58.

¹⁷ Там же. С. 58.

¹⁸ Залевский М. Российское хозяйство и положение в нем частного сектора // Наши дни. 1959. № 6. С. 61.

¹⁹ Кунгурцев В. О собственности на орудия и средства производства // Наши дни. 1959. № 4. С. 50.

²⁰ Зальцберг Л. Что же будет в 1965 году? // Наши дни. 1959. № 2. С. 29.

²¹ [Светов А.]. Экономика перманентного кризиса // Мысль. 1953. № 1. С. 80.

²² Там же. С. 81.

²³ Скворцов И.Ф., Колбасьев В.А., Залевский М.Н. Сельское хозяйство в настоящем и будущем. [Франкфурт-на-Майне], 1957. С. 81.

²⁴ Скворцов И.Ф. К земельной реформе новой России. [Б.м.], 1956. С. 1.

²⁵ Там же. С. 5.

²⁶ Там же. С. 8.

²⁷ Там же. С. 16.

²⁸ Там же. С. 17.

²⁹ Там же. С. 22.

³⁰ Там же. С. 22.

³¹ Там же. С. 45.

³² [Курганов И.А.]. Сельское хозяйство на новом этапе. [Франкфурт-на-Майне], 1958. С. 4.

³³ Там же. С. 46.

³⁴ Там же. С. 9. В работе приводится интересная выдержка выступления председателя колхоза «Рассвет», в котором говорится: «Дальнейшим шагом будет ликвидация собственных хозяйств колхозников: в них уже не будет никакой необходимости. Нужны тебе продукты, овощи, фрукты — пожалуйста, бери, получай в колхозе» (Там же. С. 45).

³⁵ Там же. С. 9–10.

³⁶ Там же. С. 16.

³⁷ Там же. С. 14.

³⁸ Там же. С. 15.

³⁹ Там же. С. 16.

⁴⁰ Там же. С. 46.

⁴¹ Деревня ждет реформ // Наши дни. 1964. № 33. С. 43–48.

⁴² Кирсанов С. О профиле экономики в будущей свободной России // Наши дни. 1958. № 4. С. 101.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Надо знать историю русской эмиграции чтобы представлять на какие акции она шла от отчаяния. Об этом свидетельствует, например, история издательства «Посев» с его «шаровыми акциями» — пересылкой литературы в СССР посредством воздушных шаров, или посылкой «соколов» — иностранных туристов с русской литературой и т.п.

⁴⁵ Цит. по: Широкоград Л. Барнетт В. История российской экономической мысли // Вопросы экономики. 2006. № 10. С. 148. — Рец. на: Barnett V. History of Russian Economic Thought. L.; NY.: Routledge, 2005. XIV. 172 p.

⁴⁶ Там же. С. 144.